

Белановская О.В. Знак и символ как интерпретанты диалога культур // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалистов: сб. материалов международной научно-практич. конф., Брест, 17-18 ноября 2011 г. / Брест. гос. ун-т имени А.С.Пушкина; редкол.: Л.М.Максимук [и др.]. – Брест: БрГУ, 2012. – С 6–9.

О.В. БЕЛАНОВСКАЯ

Республика Беларусь, Минск, БГПУ

ЗНАК И СИМВОЛ КАК ИНТЕРПРЕТАНТЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Общество и культура, встречаясь в ходе развития личности, представляют «социализацию» и «культурацию» индивида. Культура любое свое достижение превращает в знак. То, что не стало знаком, не может быть коммуницировано, и никогда не станет фактом культуры. Важнейшую роль в процессе присвоения социального опыта, обобщающего и развивающего «образ мира», играют различные знаковые системы, и в первую очередь, язык. «Усвоенный язык как концентрированный продукт общественно-исторического опыта уже сам по себе есть в какой-то степени упорядоченный, обобщенный «образ мира». Он меняет само психическое отражение, задает ему целый ряд новых качеств» [8].

Интерес к проблеме знаков не утратил своей актуальности в современной науке. В прошлом же проблема языковых знаков сводилась к вопросу о роли слов или имен в процессе познания и общения. К. Гоббс, предположивший, что слова или имена – «знаки наших представлений», обратил внимание на то, что именно знаки могут быть носителями и выразителями общего [2, с. 83]. Позже знаковая теория языка появилась для широких философских обобщений, связанных с пониманием самой природы человеческого познания. Так, согласно И.Канту, наши представления – это «вещь в себе», возможно, они являются знаками.

Подчеркивая важность знакового опосредствования человеческого отражения, А.Н. Леонтьев писал: «Животные, человек живут в предметном мире, который с самого начала выступает как четырехмерный: он существует в трехмерном пространстве и во времени (движении)... Возвращаясь к человеку, к сознанию человека, я должен ввести еще одно понятие – понятие о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир. Это – «смысловое поле», «система значений» [3, с. 4-5].

В психологической литературе знак определяется как компонент деятельности человека, средство его сознательной ориентировки в объектах внешнего мира, управления собственным поведением и

поведением других людей. С одной стороны, знак – материальная вещь, с набором чувственно воспринимаемых свойств, с другой, он выступает как олицетворение, репрезентация обозначаемого предмета, обладающего отличными от собственных, природными особенностями, то есть фактически, как идеальный образ.

Символ и знак часто отождествляются не только на уровне обыденного, но и научного сознания. Полагаем, что различие между знаком и символом может определяться степенью условности связи обозначаемого и обозначающего. Максимальной условности связь между ними достигает в знаке. А сравнение формы символа и символизируемого содержания показывает их абсолютное несходство, выражающееся в полном различии обозначающего и обозначаемого.

Таким образом, знак и означаемое, образуя единое значение, не связаны между собой ни формальной, ни существенной связью. Образуя единый смысл, символ и символизируемое также различаются по форме, но при этом сохраняют между собой внутреннюю связь.

Общепринятый взгляд на вещи приписывает любому знаку устойчивое значение. Но простой констатации в данном случае явно недостаточно – знак должен иметь устойчивое значение, иначе его применение не будет иметь никакого смысла. В противоположность «извлекающему» знаку, символ «втягивает» в себя всевозможные смыслы, ассоциированные с вещью. Одновременно выступая своеобразным источником смыслов, он обеспечивает их постепенный выход в практическую плоскость. То, что предметная и смысловая стороны символа оказываются неразрывно связанными, позволяет говорить о «многослойности» его структуры. Это стимулирует внутреннюю деятельность познающего субъекта, предполагает дополнительное усилие с его стороны.

Отметим, что смысл символа нельзя разъяснить с помощью однозначной формулы как в случае знака, его можно только пояснить определенным ассоциативным рядом. Таким образом, смысл выступает как тенденция, он не дан, а *задан*, и требуется усилие – сознательное и личностное одновременно, чтобы его раскрыть.

Поскольку знак чаще всего функционирует на каком-то одном уровне реальности, а его смысл обнаруживает себя как данность, то знак понятен всем участникам «договора», регулирующего процессы данного уровня. Понимание знака есть следствие договоренности и для овладения им нужно только знание соответствующего значения.

То есть, овладение знаком происходит постепенно и опосредованно, за этим процессом стоит мышление со своей длительностью и затрачиваемым когнитивным усилием. Отсюда, в частности, следует, что оперирование знаком варьирует по степени осознания, то есть те или иные

аспекты знаковой деятельности могут быть как в фокусе сознания, так и вне его, смещаясь к области бессознательного.

Напротив, символ всегда связан с символизируемым содержанием, и поэтому не нуждается в дешифровке, будучи понимаем немедленно. В том смысле, что если он вообще доступен пониманию, то это происходит сразу, непосредственно. «Непосредственно» означает, что за символом стоит не столько знание, сколько понимание реальности, одномоментное «схватывание», плюс усилие. Пренебрегая длительностью этого скоротечного процесса, мы заключаем, что именно символическая деятельность есть подлинно сознательная. Ведь восприятие символа, по существу, захватывает самый фокус сознания.

М.К.Мамардашвили и А.М.Пятигорский указывают на кардинальное отличие символа от знака: символы «есть репрезентации не предметов и событий, а сознательных посылок, результатов сознания, содержательностей сознания» [4]. Сосуществуя друг с другом, символ и знак олицетворяют собой два разных способа функционирования сознания, задавая тем самым два типа регуляции деятельности и поведения человека: знак служит для представления реальных вещей (явлений, свойств и т.д.) в обобщенной идеальной форме. Именно он «снимает» всеобщее с реальных объектов действительности. Символ же представляет сознанию в наглядно-образной форме абстрактные идеи и понятия, то есть «снимает» всеобщее уже не с самих реальных предметов, а с отражающих их знаков, с уже созданной идеализированной предметности. В том смысле символы как бы знаки второго порядка, знаки знаков.

Поскольку идея заключена в иконическом знаке [7], то он играет важнейшую роль в процессе коммуникации. В дискурсе смыслообразующим знаком является символ. Человек постоянно испытывает потребность в символизации, так как он живет в мире смыслов и значений. Связь с объектом является условной, ограниченной некоторыми условиями. Нам представляется значимым высказывание В.А. Масловой о том, что «знак становится символом тогда, когда его употребление предполагает реакцию не на сам символизируемый объект, а на целый спектр вторичных конвенциональных значений» [5, с. 99].

Символ рассматривается как единственно подлинный знак, как знак в собственном смысле слова, потому, что он интерпретируется как репрезентативен и, как и любой знак, должен быть проинтерпретирован. Таким образом, символ по своей природе предполагает цепь интерпретаций.

Овладение значением знака обозначает понимание. Интерпретация символа находится в зависимости от условий, контекста, культуры, в которой он создан. В этой связи мы можем говорить о значении культуры в понятии символа, т.е. символа как знака культуры. Однако в языковой сфере у каждого

знака существует множество значений. Проблема многослойности смыслового наполнения слова ведет к рассуждениям о том, что «язык заслоняет нам мир». Но нет мира вне языка и культуры, и семиотическая знаковая форма человеческого бытия дает не только радость познания и понимания мира, но и возможность участвовать в его построении и развитии [6].

Символ нуждается в другом знаке. Ч.С.Пирс назвал этот знак индексом [7]. Наиболее адекватным видом индекса является слово, т.е. текст. Поэтому любой текст может служить символом. Как мы уже отметили, значение символа проявляется при определенных условиях, то есть, в дискурсе, где его заданная знаковость будет правильно прочитана и воспринята. Символ оказывает влияние на поведение и мысль интерпретатора, участвуя в процессе понимания. В этой связи подчеркнем еще раз, что любой символ является важным знаком, позволяющим интерпретировать дискурс.

Набор символов в дискурсе позволяет предполагать существование целого языка символов в определенном культурном пространстве. Один из самых важных моментов семиотического анализа – это обнаружение кодов, способных декодировать любые возможные знаки. Каждый знак в дискурсе приобретает новое наполнение благодаря совместной деятельности субъектов взаимодействия. Используя терминологию Ж. Бодрийера [1], подчеркнем, что дискурс становится материалом для знакового (или символического) обмена между языковыми личностями: автором и читателем, автором, переводчиком и читателем, актером и зрителем и пр. В этом знаковом обмене происходит интерпретация какого-либо явления (объекта) с помощью знака, определенного данным объектом.

Итак, символ – особый знак (языковой или неязыковой), наполненный множественным смыслом дискурса. Мы полагаем, что лингвистический, семиологический, культурный, интерактивный, метатекстовый, герменевтический и другие коды способствуют прочтению этих символов в дискурсе. Следовательно, именно с помощью семиологического кода можно прочитать дискурс как совокупность знаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийер, Ж. Символический обмен и смерть / Ж.Бодияр. – М., 2000.
2. Гоббс, Т. Соч.: В 2 т. / Т.Гоббс. – М., 1989. – Т.1.
3. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н.Леонтьев // Избр. психологические произв.: в 2-х т. – М., 1983. – Т.2. – С. 94-231.
4. Мамардашвили, М.К., Пятигорский, А.М. Символ и сознание. / М.К.Мамардашвили, А.М.Пятигорский. – М., 1997. – С. 99.
5. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А.Маслова. – М., 2001.
6. Петренко, В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке / В.Ф.Петренко // Постнеклассическая психология. – 2004. – № 1.

7. Пирс, Ч.С. Избранные произведения / Ч.С.Пирс. – М., 2000.
8. Сапогова, Е.Е. Ребенок и знак. Психологический анализ знаково-символической деятельности дошкольника / Е.Е.Сапогова. – Тула, 1993.
9. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике, П.Рикер. – М., 1995.